

"Я не балалайка из трех струн, а, как минимум, арфа"

Молодость Ю. Райкина - Таллинн - 1992. - 3 экз.

Один на один

С Константином Райкиным мы встретились в Санкт-Петербурге, куда он приехал с не менее популярной Татьяной Васильевой играть нашумевший в последнее время спектакль по пьесе американского драматурга Дж. Слейда "Там же, тогда же..."

- Самым важным мне всегда казалось, чтобы зал соединялся с происходящим на сцене. В последнее время драматическому театру этого особенно не хватает, а "Там же, тогда же..." - это атака добром, именно атака. Повышенная энергия - необходимое сегодня условие сценического действия, потому что зритель находится в стрессовом состоянии, в условиях ничего не обещающей жизни. А на стресс и воздействовать надо стрессом. Говорю не об агрессии, идущей со сцены, а об атаке добром, милосердием. Зритель не любит сегодня смотреть долго. Длинные многоактные "полотна" не для будней, в которых мы сейчас пребываем.

- Атака, энергия - все это, несомненно, предполагает известный риск?

- Играть на сцене - вообще рискованное дело. Тут очень важно постоянно разрушать стереотип восприятия, к сожалению, иногда очень прочный.

Вот я пятнадцать лет назад снялся в картине "Труффальдино из Бергамо" и для многих таким и остался - развеселым и танцующим. Потому на протяжении многих лет и получал от режиссеров предложения на нечто труффальдинистое. А мне это было уже не интересно, в результате долгие годы не снимался, о чем, конечно, жалел. Это очень важно - разрушить стереотип, раз я, как мне кажется, и многое другое умею. Я ведь, как и любой человек, не балалайка из трех струн, а, как минимум, арфа, у меня есть и другие аккорды, и настраивать меня можно иначе. Другое дело, что театр - искусство камерное, а у нас отношение к артисту формируется телевидением. Каким увидели, таким и запомнили. Я, например, не считая себя веселым человеком, а от меня часто ждут именно этого. А я хочу быть разным. И потом нельзя в 41 год быть постоянно веселым.

Это и глупо, и обидно. Быть все время радостным - значит, уподобиться Эдуарду Хилу, который в пятьдесят лет по-прежнему поет неиссякаемо жизнерадостно.

- Вспоминаю ваш уморительный рассказ о съемках в фильме "Лисистрата". Но за уморительностью, так мне во всяком случае показалось, звучала горечь. И подумалось: раз Райкина можно поставить в идиотское положение, что ж тогда о других говорить?

- Я не вижу тут ничего страшного, и если вы это усмотрели здесь, - это ваше индивидуальное восприятие. Не сказал бы, что у меня осталась какая-то обида. По вашей логике, я должен был бы смертельно обидеться на режиссера Валерия Рубинчика. Совсем нет: он тоже был поставлен в сложные условия, обязан был так работать, штурмовать, успевать. А я, артист, подписал договор и

должен был делать, что велят, независимо от известности, званий. Я говорил об этом с юмором, и, ей - Богу, там было мало трагизма. Да, было трудно, но чьей-то вины я бы не искал, более того, отдаю дань мужеству режиссера, который так же, как и мы, пытался выйти из всего этого. Не получилось, я считаю, удачно выйти, но это - вопрос второй. От неудач никто не застрахован, и я продолжаю относиться к Рубинчику с уважением и симпатией.

- Наверное, попытавшись поговорить с вами об актерской незащищенности, я выбрал не самый удачный пример.

- Наверно. Другое дело, что в жизни артисты просто не составляют исключения из правил. Ведь любому человеку у нас невозможно защититься - тут беда государства, бытия. Вот уж оговорить, оболгать человека на всю страну и не извиниться - так много раз и с моим отцом было, и мне перепало. Та же газета "Правда" имела даже... ну я не знаю, извините,

обратиться ко мне с предложением об интервью по поводу юбилея отца, и там так удивились, когда сказал им, что никогда в жизни я ни о чем с ними разговаривать не буду, потому что эта газета однажды меня оскорбила. Оклеветала - и ничего. И когда я представил им все документы - все равно никаких извинений. Я и писал куда-то, и в редакцию ходил, но и обратиться ни к кому нельзя, и в суд подать нельзя, бессмысленно, иначе надо бросить все и судиться с "Правдой" всю жизнь. И все равно проиграть. Вот это бывает. И разве я исключение? Такое же правило, как и каждый.

- Наверное, это естественно, что от превратностей жизни творческой вы перешли к проблемам жизни вообще. А в ней нас ожидает вскоре немало интересного - рынок, приватизация. Как вы ощущаете себя в преддверии этих перемен, каким вам представляется собственное существование в условиях жизни буржуазной,

раз уж другого названия ей пока не придумано.

- Думаю, это будет более разумная жизнь, во всяком случае по сравнению с прошлой. Разве та человеческой была? Уродской какой-то. Страна жила по каким-то совершенно идиотским законам, и, надеюсь, приходит время здравого смысла. Да, это болезненно - жить по законам дураков и вдруг начинать жить по законам умных. Но теперь, уверен, будет выживать не подлец, негодяй и бездарь безнравственная, а человек талантливый, совестливый и разумный. Это ужасно, но раньше было выгодно быть жуликом и подлецом. И, наоборот, не выгодно быть порядочным и талантливым. В августе в этой стране после победы у "Белого дома" впервые восторжествовала справедливость, потом божественная пьеса кончилась, и, если ставить ее, третьим днем надо было бы и кончить, ограничиться многоточием, что ли... Но жизнь-то продолжается. Конечно, я нахожусь в состоянии тревожном, нерв-

ном. Конечно, надо быть все время на стреме. Но то, что происходит, - все равно к лучшему, и я в этом совершенно убежден. Страшная химера погибает. Рабство и тупость уходят.

- Вам, художественному руководителю театра, знающему, что лучше, а что хуже, что выгодно, а что нет, придется теперь решать чьи-то судьбы, и делать это не так, как в незапамятные советские времена. А у людей - семьи, дети...

- Я уже давно решаю чьи-то судьбы. Быть художественным руководителем - значит, заниматься и этим, значит, просить кого-то остаться или, наоборот, уйти. Это нормально. Это продиктовано интересами театра, памятью об отце, для которого дело было выше всего. А плохо работающий человек? Ну что ж, его забота о своих детях думать, а не моя. И вообще, справедливо ли кормить лентяев за счет тружеников? Вот это и есть социализм.

Даже в нынешние трудные времена мы с залом на тысячу

мест по-прежнему аншлаговый театр. И расположены мы в Москве не лучшим образом, и доехать до нас трудно, но тысяча зрителей приходят к нам каждый вечер. И не только на "Служанок" Виктюка, и не только на те спектакли, где я играю. Сейчас мы делаем у себя "Сирано де Бержерака" с режиссером Леонидом Трушкиным, и я снова надеюсь на полные залы. Количество зрителей всегда говорит об уровне театра. Я не верю в хороший театр, куда не ходит публика. В театре все начинается и кончается одним: ходит зритель или нет. Дальше - подробности. У театра нет возможности быть понятным завтра. Только сейчас. Или никогда.

- Сирано вы сами собираетесь играть?

- Давно этого хотел.

- Наверное, это будет жесткий Сирано?

- Не sentimentalный. Посмотрим... Между прочим, sentimentalность нынче не самое плохое.

Вел беседу
В.АНДРЕЕВ.